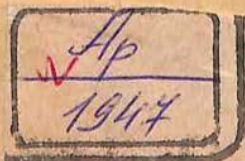

С. Третьяков

Арменский порт
Варан Терек

Архивохранилище 1917

2/4

(Ар)

П

1999

Сергѣй Пурвердіевъ

Армянскій поэтъ

ВАГАНЪ ТЭРИАНЪ.

Переводы избранныхъ стихо-
твореній, съ краткимъ разбо-
ромъ творчества.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬ.
Типографія А. А. Касабянца.
1917.

391.99.002 (Ар)
Т-3597

891.99.092 (AP)

- 3 Т-359П

А. З. Миссон

Ваганъ Тэрианъ

Въ настоящую книжку вошла только часть стихотвореній В. Тэриана, изданныхъ имъ въ Москвѣ въ 1912 году.

При переводѣ мы старались сохранить своеобразный тонъ армянскаго поэтическаго языка, его силу и красоту, но ввиду возникшихъ вслѣдствіе этого затрудненій, переводы нѣкоторыхъ стихотвореній носятъ вольный характеръ, однако не въ ущербъ ихъ идейности и цѣлости.

Насколько намъ удалось осуществить это, не знаемъ: трудъ—первый и незначительный, но намъ кажется, что въ этихъ отрывочныхъ переводахъ читатель все же постарается уяснить себѣ личность одного изъ интереснѣйшихъ поэтовъ Арменіи, представить себѣ ослѣпительную красоту его мощнаго духа, его философскіе взгляды на міръ и жизнь, огненность его души, пламенный ядъ кипящей мысли, которая въ силахъ поразить спокойствіе мудреца, его міровую скорбь и побѣдную радость, горечь его тайныхъ слезъ, томленія безсонныхъ ночей, жаръ пылкихъ лобзаній, роковую близость къ соблазну и грѣху, лучезарность его ребяческихъ грезъ, восторги мимолетныхъ встрѣчъ, сладкія видѣнія грядущихъ дней, звонкую молодость, отравленную мглою черной ночи, тихую грусть юной души, трепетно ожидающей въ необитаемости глухихъ полей восходящей зари, всю красоту,

38 1929

1947-99

(10917.60)

всю безбрежность его изстрадавшагося, заблудившагося, по гордаго духа... И намъ кажется, что психологическіе мотивы его поэзіи, въ которой менѣе всего проявились элементы узко—національнаго характера и ярче всего выразились индивидуальныя черты мыслящей личности, ставятъ его въ строй міровыхъ поэтовъ, и онъ будетъ дорогъ всѣмъ, кто способенъ мыслить, чувствовать и желать, кто затронуть ядомъ жгучихъ тайнъ, кто знаетъ муки изгнанья, коварную игру судьбы, сладость радужныхъ надеждъ и безотчетную тоску по вѣчному идеалу, неумирающему Солнцу... Подобно тому, какъ великій Достоевскій въ своихъ твореніяхъ погружаетъ насъ въ самую глубь человѣческаго сознанія, гдѣ кипитъ грозная пучина страстей и сверкаетъ огненная мысль, безумная мысль, гдѣ всѣ страданія велики, но чаще—жгучи и убійственны; подобно тому, какъ Лермонтовъ приковываетъ вниманіе критиковъ загадочностью своего духа, огнемъ и холодомъ надорванныхъ силъ, осколками своей души, кратко блеснувшей,—такъ и Тэріанъ приковываетъ насъ угрюмой сумрачностью неизвѣданныхъ тайнъ, какъ загадочный хороводъ тоскующихъ свѣтилъ, радостью величайшихъ побѣдъ и горемъ поражений... Для насъ Тэріанъ интересенъ постольку, поскольку въ немъ отражена современная мысль, поскольку онъ психологически близокъ намъ—современникамъ. Мы не будемъ разбираться въ тѣхъ историко-литературныхъ условіяхъ, въ связи съ которыми могла появиться эта интересная личность съ ея интереснымъ творчествомъ, вліялъ-ли на него французскій поэтъ Верленъ или какой-нибудь другой представитель творческой мысли. Принимая Тэріана только по тому психологическому родству, которое связы-

ваетъ великаго поэта съ современной личностью, мы цѣнимъ его поэзію, въ которой представлена фигура одинокой души со всѣми ея страданіями и скорбью и въ которой намъ понятны всѣ его исканія и борьба, нѣжная грусть, тихій шопотъ и пронзительные крики великаго бунта... Тэріанъ напоминаетъ намъ Лермонтовскаго демона, «духа изгнанья». Вотъ признанье поэта:

Съ измученнымъ сердцемъ сижу одинокъ,
Въ глухомъ мірозданьи,
Въ краю незнакомомъ, у темныхъ дорогъ,
У непла разрушенныхъ зданій...
Сижу я въ объятяхъ холодной земли,
Въ осеннюю пору, въ угасшіе дни...
Цвѣты увядали, цвѣты умирали,
Лилися дожди и докучно звучали
И сверху давилъ небосводъ...

Небо его давитъ, а земной путь страшитъ вѣчными муками, которыя ему пріѣлись и наскучили своей долгой однообразностью. И мы слышимъ горькую, обнаженную правду въ словахъ поэта:

И нѣтъ ничего, что могло бы взлелѣять мой духъ,—
Ни гордая слава, ни святость чарующихъ мукъ,
Ни радость богатства, ни властная сила въ крови,
Ни жажда блаженства, ни жгучіе зовы любви,
Ни муки томленья,
Самоотверженья...

Потому-то міръ съ его бесплодной тревогой и борьбой кажется ему безцвѣтнымъ, ничтожнымъ. Чуждымъ взоромъ онъ смотритъ на страданія земли и въ отравѣ собственныхъ мукъ онъ холодно прислушивается къ зво-

ну своихъ слезъ. Онъ хочетъ забыться и въ тишинѣ призвать больными устами смерть, единственную спасительницу, единственную мудрость, которая со страшнымъ спокойствіемъ разрѣшаетъ «проклятые вопросы», ядовитую жгучесть томленія, безумную мучительность неопредѣленности, сомнѣнія и тоски... Онъ хочетъ забыться, и намъ кажется, что это желаніе забвенія не есть для насъ что-нибудь чуждое, непонятное, потому что современная личность, потерявшая свое спокойствіе, отравленная ядомъ мерзкой жизни, старается чѣмъ-нибудь обмануть себя, чѣмъ-нибудь утолить угрюмую жадность своего духа, но, разочаровавшись во всемъ и чувствуя каменную тяжесть одиночества и беспомощности, бросается во все тупики и въ послѣднихъ порывахъ отчаянія ищетъ именно забвенья..

Ахъ, забыть, все забыть, всѣхъ забыть и забыться,
Не жалѣть, не любить и безъ думъ удалиться...
Въ этой ночи глухой, въ этой боли живой,
Ахъ, заблещетъ-ли сердцу короткой порой,
Какъ въ сіяющей вечеръ, забвенье, забвенье?..
Нѣтъ, уйти отъ всего на одно лишь мгновенье,
Нѣтъ, знакомые образы всѣ позабыть
И въ отравѣ всѣхъ мукъ свою душу убить..
Ахъ, забыть, все забыть, всѣхъ забыть и забыться,
И не звать, не страдать, не любить... удалиться!..

Именно тутъ встаетъ передъ нами фигура одинокой личности, которая изнурена мыслью о ничтожествѣ всего земного, именно здѣсь поэтъ подчеркиваетъ то психологическое состояніе, въ которое впадаетъ неизбежно человѣческой духъ, отравленный, обезумѣвший и уставшій

до послѣднихъ глубинъ усталости... Но поэтъ не ищетъ абсолютнаго забвенья, потому что его духъ безсмертенъ. Онъ ужасается при мысли, что съ его смертью можетъ уничтожиться все, чѣмъ онъ жилъ и мыслилъ, все его величайшія усилія, его ищущее и никогда не успокаивающееся «я». Въ его забвеніи, котораго онъ ищетъ, бьются жизненные пульсы, потому что поэтъ чувствуетъ бытіе:

И жизнь пробудилась въ сознаньи моемъ
Дремотою долгой, страдальческимъ сномъ,
Какъ въ дни пролетѣвшіе — нѣжность лобзанья,
Какъ нѣсна ребяческихъ дней — безъ названья...
И въ радости новой я ужасъ позналъ,
Свѣтъ вѣчнаго утра мой разумъ обнялъ
И волею чудной и нѣжно высокой
Земная дорога почудилась легкой,
Какъ бѣгъ ручейка, что несется съ холмовъ,
Какъ рядъ золотыхъ облаковъ
Въ сіяньи весеннихъ лучей,
На небѣ, свѣтящемъ ярчѣй...

И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже сознание ничтожности всего земного, тѣмъ сильнѣе и глубже тоска поэта по небу. Мыслящая личность, охваченная великимъ пожаромъ, развившая въ себѣ до неизмѣримыхъ глубинъ все стороны человѣческаго духа, рвется къ своему началу, къ высшей духовной силѣ, къ необъятному и вѣчному. Неудивительно, если поэтъ, горя огнями солнечныхъ далей и желаніемъ свободы, любитъ скитаться по горнымъ вершинамъ, инстинктивно приближаясь къ таинственному царству единого, вѣчнаго и необъятнаго духа.

На скалистой и дикой вершинѣ стою
Одиноко, высоко
И далѣко, далѣко...
И съ вершины смотрю:
Тамъ, внизу, еще дремлютъ овраги, поля,
И царить тамъ нѣмая и жуткая мгла...

Это—мгла ночи, это — пасмурность жизни, это — мрачный ядъ мрачной повседневности, власть которой страшитъ его, какъ проклятье, и смущаетъ хрустальную легкость его нѣжной души, омрачаетъ духъ до мрачной угрюмости, какъ голубую лазурь омрачаютъ черныя тучи... Великія мысли рождаются именно вдали отъ всего земного, на свободѣ и въ одиночествѣ, и поэтъ съ особенной жадностью духа взбирается на островерхіе утесы, отдаетъ свое сердце скаламъ и водамъ, создаетъ шумные крики любви и зарѣ, очищаетъ свою душу лучезарной мечтою, проходитъ путь земныхъ страданій самоотверженно и неуклонно. Онъ дѣлается мудрецомъ и, мудрый, онъ видитъ духовными очами желанный идеалъ міровой жизни, солнце космоса, тотъ самый неизвѣданный край, гдѣ нѣтъ прошлаго и грядущаго, гдѣ нѣкое сердце ласкаетъ всѣ муки, смягчая тревогу земныхъ скитальцевъ, затерявшихся въ жуткихъ дебряхъ лѣсовъ, въ жгучихъ поискахъ абсолютной свободы и послѣднихъ истинъ. Но, гдѣ же, собственно, искать источники его скорби? Отчего Тэрианъ не можетъ успокоиться въ тихой пристани шумнаго моря?.. И нельзя-ли дать болѣе точную формулировку его исканіямъ?.. Дѣйствительно-ли ему знакома горечь убійственныхъ отравъ, напряженность борьбы и вызовъ ей, этой привѣтливой, но тягостной, этой холодной, но пламенной

силѣ?.. Кому онъ бросаетъ свою раскаленную мысль и какія пророчества онъ пророчитъ и для чего онъ овѣялъ себя незримой грустью, переходящей въ міровую скорбь, если онъ чувствуетъ, что дошелъ до послѣдней черты, дальше которой идти невозможно, потому что за нею открываются ужасающіе провалы черныхъ ночей?.. Трудно найти отвѣты на эти вопросы. Поэтъ какъ бы скрылъ отъ насъ разрѣшеніе этихъ загадокъ, и получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ боится, чтобы взоры чуждыхъ людей не увидѣли тѣхъ тайнъ, которыя скрыты въ бездонной глубинѣ его бездоннаго душевнаго міра. Но въ творчествѣ поэтъ бессознательно проявляетъ свое «я», и при внимательномъ разборѣ мы, очевидно, смогли бы найти нѣкоторые мотивы, опредѣляющіе его міровоззрѣніе и жизненопониманіе. Нужно замѣтить, что есть люди, которые еще съ колыбели проявляютъ безпокойство своего духа... Въ ихъ младенческихъ очахъ есть какая-то тревога, странное предчувствіе не то какихъ-то бѣдъ, не то —радостей. Ихъ кровь воспламенена еще отъ рожденія какими-то смутными огнями, и все ихъ бытіе — загадочная тревога, воплощеніе исканій и борьбы. Источникъ скорби лежитъ прежде всего въ самомъ поэтѣ:

Есть въ сердцѣ моемъ
Тоска непонятная,
Тоска безотрадная...
Страданіе въ немъ
Таится обычное,
Таится беззвучное...
Есть тайный надрывъ,
Мученіе знойное,

Всегда беспокойное...
Какой-то порывъ,
Печали питающей,
Во всемъ обитающей...

Въ этомъ, собственно, главный толчекъ, въ этомъ та искра, которая впоследствии превращается въ пожаръ, которая тревожитъ безпрестанно духъ, готовя его къ переоцѣнкѣ всѣхъ міровыхъ и жизненныхъ цѣнностей. Именно это дѣлаетъ его глубокимъ до послѣднихъ глубинъ и именно это обозначаетъ въ его сознаниіи трагическую черту между небомъ и землей, между личностью и смертью, между пошлостью базарной жизни и огненностью солнечныхъ далей, между неполнотой блаженства и возможностью новыхъ восторговъ, между сознаниемъ осиротѣлости, беспомощности и жаждой вѣчной борьбы во имя добра и истины...

Выше мы сказали, что поэтъ призывалъ въ тишинѣ, больными устами смерть, какъ единственную мудрость, разрешающую всѣ сомнѣнія и тоску неопредѣленности, всѣ вопросы, выставляемые этическимъ требованіемъ мыслящей личности. Наличие такого взгляда приводитъ насъ къ мысли, что его сознание, очевидно, парализовано какой-то мучительной раздвоенностью, что его мозгъ раздробленъ тысячами тягчайшихъ вопросовъ, на которые онъ ищетъ отвѣта у міра, у женщинъ и могилъ, что въ немъ скрывается величайшая трагедія человѣческой души, которая поражена бесплодностью, безнадежностью земныхъ страданій и борьбы, которая отравлена на перепутьяхъ темной жизни, въ вѣчныхъ блужданіяхъ по мрач-

нымъ лабиринтамъ неизвѣданныхъ тайнъ и въ вѣчныхъ поискахъ послѣдней правды.

Я снова въ лѣсу, снова въ жуткомъ лѣсу,
У мрачныхъ дорогъ, гдѣ царить перепутье...
Послѣднія искры въ душѣ я несу,
Ужъ мгла разстилаетъ коварные пути...
Поблекшіе дни, невозвратные дни,
То вспыхнуть, то гаснуть игрою случайной...
Жизнь манитъ куда-то, въ объятія свои,
И все поражаетъ угрюмою тайной...
И буря суровая бьется мнѣ въ грудь,
И тысячный говоръ тотъ лѣсъ оглашаетъ...
Стою въ лабиринтѣ и темень мой путь,
Бездушье и холодъ во всемъ обитаетъ...
Я снова въ лѣсу брожу съ робкой душой,
Тамъ—тропы сплетенныя, тамъ—бездорожье,
Но сердце мечтаетъ о дали иной,
Тоска непонятная душу мнѣ гложетъ...

Тутъ передъ нами встаетъ во всей полнотѣ и ясности фигура одинокой личности со всей ея скорбью, личности, сознающей безысходность своего положенія, личности, мечтающей о возможности блаженства, но заблудившейся въ жуткихъ лѣсахъ, Богъ вѣсть, въ какихъ лабиринтахъ и ужасахъ земной жизни. Тэріанъ—странникъ, но цѣль его странничества смутна, ибо мыслящая личность не имѣетъ цѣли, ибо человѣческій духъ не знаетъ покоя въ вѣчныхъ поискахъ и блужданіяхъ, ибо достиженіе всѣхъ надеждъ влечетъ за собою неизбѣжность новыхъ подвиговъ и блужданій... Правда, черезчуръ смѣлые полеты доводятъ духъ до смертельной усталости, онъ

бываетъ такъ утомленъ, что ему хочется забыть и забыться, отдохнуть, какъ бѣдный сирота, который отброшенъ коварной игрою невѣдомой силы въ невѣдомую даль, который усталъ плакать въ тоскѣ по далекой матери. Но всѣмъ ясно, что минута отдыха нужна великому страдальцу для того, чтобы вдохновить его на новый бунтъ, на новые, болѣе головокружительные полеты, на вѣчные поиски мудрыхъ правдъ... Если Тэрианъ не указываетъ точно на непосредственные источники своей скорби, то мы можемъ, по общему тону и характеру его творчества, догадаться, что его не удовлетворяетъ мертвая повседневность, весь этотъ страшный многоголосый городъ, гдѣ, по выраженію извѣстнаго современнаго поэта, каждая комната — гробъ, гдѣ люди обманываютъ себя, строятъ для какихъ-то цѣлей «общественные курятники» и мелочно разсуждаютъ о мелочныхъ подвигахъ и заботахъ будничнаго дня. Сознаніе ложности и лживости міра говоритъ намъ о Тэрианѣ, какъ о глубокомъ мыслителѣ, ищущемъ абсолютной правды и свободы. И этотъ философъ съ удивительной поэтичностью соединяетъ въ своемъ сознаніи проблему свободы и странничества, которая обуславливается его страданьями и тоской, трагичностью его судьбы и желаніемъ добра.

Я вновь покину городъ суетливый,
Пойду одинъ невѣдомымъ путемъ
И въ полѣ, въ вечеръ тусклый, молчаливый,
Я лягу подъ зеленымъ деревцомъ...
Забуду я вдали всѣ тревоженья,
Почувствую лобзанья новыхъ дней,
И дивный вечеръ дастъ душѣ моей

Всю прелесть сновъ и упоенья...
И скорбь людей далекихъ я пойму,
Услышу тихій плачъ воды журчащей
И зарыдаю, землю обниму
Въ отрадныхъ грезахъ съ звѣздочкой свѣтящей...
Бездомный проходимецъ дастъ мнѣ хлѣба,
Напьюсь воды у чистыхъ родниковъ
И мирно я засну подъ ширью неба
Съ душой, утихшей въ нѣжности цвѣтовъ...

Тэрианъ, можетъ быть, и слѣпо, приближается къ своему освобожденію, воскресенію. Бросаясь во всѣ тупики, онъ ищетъ отвѣта именно у могилъ и женщинъ. Но инстинктивно боясь ужасающей пустоты первыхъ, ибо смерть равносильна уничтоженію человѣческаго «я», онъ избираетъ вторыхъ и черезъ любовь обрѣтаетъ подъ конецъ воскресеніе, которое ему дается черезъ долгій путь тяжчайшихъ усилий и мукъ. Въ вопросахъ любви насъ поражаетъ удивительная раздвоенность его духа, какая-то мучительная надорванность. Онъ проситъ тихихъ сказокъ и непорочности материнской любви и бросаетъ себя въ пучину соблазна и грѣха:

Въ пещерѣ мрачной и грѣховной,
Гдѣ жадно ждешь наединѣ,
Зажгись волшебною страстью темной
И ласки дай мнѣ въ тишинѣ ..
Зови меня ты ночью черной,
Въ пустую келью примани
И тѣло нѣжное коварно
Въ своихъ объятіяхъ сомни...

Тутъ женщина — безумный ядъ, жгучая страсть и наслажденье. Въ ней онъ ищетъ тѣлесной любви, одурманивая мозгъ нѣжнымъ и жестокимъ угаромъ грѣха. Его ослѣпляетъ блескъ ея кудрей, какъ сверканіе обильныхъ водъ, падающихъ съ утеса на утесъ, онъ впитываетъ въ себя жадно ароматы ея душистыхъ волосъ и погружается въ глубокую бездну ея глазъ, на днѣ которой зажжены люстры темныхъ желаній и влеченій. Испытывая сладкое волненіе страсти, онъ тушитъ въ себѣ лучезарность мечтаній, молчитъ о существованіи духа, когда судорожно трепещетъ молодое тѣло... Но именно въ этомъ кроется интересная сторона человѣческой психики. Черезъ огонь безумнаго сладострастья мы приближаемся къ той женщинѣ, которую поэтъ называетъ «золотою царицей въ восторженномъ снѣ»... Она — воплощеніе тихихъ нѣжности и утѣшающихъ ласкъ, она — символъ лучезарности и вѣчнаго духовнаго родства, она — незримая граница необитаемыхъ полей, она — легкая прохлада, которая роетъ за вечерѣлые цвѣты, она — тихій шопотъ ..

Ты зовешь такъ долго
Съ дали голубой,
Шелестомъ отраднымъ
Манишь ты порой...
Шевелишь кустами,
Сладостно шуршишь,
Шелестомъ лазурнымъ
Нѣжности даришь...
Нѣтъ, въ тотъ міръ отрадный
Неизвѣстенъ путь,
Счастье и улыбка

Отъменя бѣгутъ...
Тамъ цвѣты и гимны,
Но не тѣ, не тѣ, —
Тамъ царитъ безсмертье
Въ вѣчной красотѣ...
Чуть за вечерѣтъ, —
Въ мірѣ голубомъ
Нѣжно ты щебечешь
Въ танцѣ круговомъ...
Съ незнакомой дали
Ты зовешь всегда,
Шелестомъ отраднымъ
Манишь ты туда...

« Вотъ еще аналогичная мысль, выраженная поэтомъ въ другой формѣ, но въ основѣ которой онъ показываетъ свое тайное влеченіе къ этой золотой Царицѣ, къ этой Единой:

— вв

Мелькнула тѣнь неслышными шагами,
Невидимо, какъ крылья нѣжной мглы,
Обняла тихо юные цвѣты...
Въ вечерній часъ мелькнули надъ кустами,
Очаровавъ прохладой легкой ихъ,
То будто пѣри, то воздушный ликъ
Безвѣстной дѣвы съ бѣлыми чертами...
Глухихъ полей нетронутый просторъ
Отраднымъ шопотомъ она пронзила,
Какъ будто съ ихъ дремотой говорила
И нѣженъ былъ любовный разговоръ...
И средь цвѣтовъ шушуканье осталось...
Мечтою дивною была она...

И то шушуканье мнѣ передалось,
Тѣмъ шопотомъ святымъ душа полна...

Долго, безнадежно снится ему эта прекрасная Дѣва, эта лучезарная Царица, овѣянная тишиною восторженныхъ сновъ и забывшая какъ будто о существованіи на землѣ бѣднаго скитальца, который безвѣстно погибаетъ въ земной пыли... Онъ создалъ въ своемъ воображеніи красивый ликъ этой женщины и никогда не сливается съ нею, потому что она—безъ формъ и названья, потому что она, приблизившись, даетъ мгновенный блескъ, очаровываетъ призракомъ новыхъ блаженствъ и быстро тухнетъ. И самое воспоминаніе о встрѣчѣ съ нею какъ-то улетучивается изъ ума при напряженности сознанья, желающаго что-то припомнить и сказать...

Когда и гдѣ,— не помню, позабылъ я,
Мы встрѣтились съ тобой,
И ты нѣмую тишь души смутила,
Смутила мой покой...
И на землѣ, я знаю, безотрадной,
Тебя мнѣ не найти,
Ты незнакома мнѣ, ты непонятна,
Ты—въ сумрачной дали...

Поэтъ, который снытается въ жуткой мглѣ жуткой ночи, поэтъ, мысль котораго раскалена огненностью жгучихъ вопросовъ, поэтъ, который одаренъ отъ природы звонкой хрустальностью души и дѣвственной нѣжностью, погружается въ глубокую бездонность тоски, онъ чувствуетъ себя осиротѣлымъ безъ этой солнечной красоты, и страшно ему на краю мрачныхъ пропастей, куда

0003816

ՀՀ Ազգային գրադարան

NL0003816

